Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Партизанский лес - седьмая часть

Как и обещала Надя, по приезду накормить нас супом, так и сделала, но сначала отправила меня и Пашку, за водой в колодец.

– – Костян! У тебя мать, супер! Я честно ожидал увидеть, обыкновенную женщину с косой. Как ты мне её в армии описывал. А она боевая и сама водит машину, как заправский автогонщик!

– возбужденно говорил мне друг, идя по тропинке в колодец. Мать, выехав на трассу, по дороге в деревню, поддала газку и продемонстрировала Пашке, "мастерство" вождения автомобиля. Хотя я такое " мастерство, " называл лихачеством. Причём глупым и безрассудным. Но Надя была неисправима, и ездила по шоссе, как считала для себя нужным.

– – Ты бы видел её, как она из " шмайссера" стреляет? Вообще бы упал!

– сказал я другу, спускаясь с ним в овраг за водой. Ступеньки прорубленые мной, лопатой в земле. Заледенели от мороза и нужно было аккуратно спускаться, чтобы не загреметь вниз с ведрами.

– – Из " шмайссера"???

– Пашка остановился на пол пути, поставил ведра на землю и оторопело смотрел на меня?

– – Да из " шмайссера"! Он у нас дома, лежит под диваном. Пошли скорее за водой, а то у меня с утра желудок ноет, есть охота, сил нет. Мы с Надей, уже три дня сидим, на одних макаронах и воде без хлеба.

– сказал я другу и подтолкнул ошарашенного моими словами Пашку, к колодцу. Мне хотелось поесть горячего, но для этого нужно было принести маме, в дом воды. По пути, я вкратце рассказал армейскому корешу, как я лазил с металлоискателем на церковную колокольню. Тут в деревне за оврагом и нашёл там ящик с немецким оружием. У Пашки от услышанного, прямо глаза загорелись огнём. Друг был просто помешан, на оружии времён ВОВ.

– – Ну ты даёшь Костян! Честно, я тебе не верю? Этого не может быть?

– бубнил мне в спину, Пашка, идя следом за мной, с ведрами из колодца к дому. Он мне не верил, что у нас дома лежит настоящий " шмайссер" и что моя мама, из него стреляла? И я его прекрасно понимал, ведь на раскопках, куда он ездил до армии. Ребята, находили в основном ржавые, немецкие и советские автоматы. Негодные к использованию, а вот новый целехонький " шмайссер", никто, и никогда не находил.

– – Мам, мой друг не верит, что у нас в доме есть оружие, времён войны? Давай покажем ему наш " шмайссер"?

– с порога, сказал я матери, ставя ведра с водой в комнате возле печки. Надя, уже успела переодеться и стояла возле стола, в зелёном, байковом, домашнем халате. Мать выкладывала продукты, что мы купили в Малоархангельске, из сумок на стол.

– – Покажем сынок, покажем, но только после того, как пообедаем. Обеду время, потехе час!

– перефразировала мать, известную русскую поговорку. Голосом не требующим возражения. Надя показала нам с другом, свои " коготки", которые она умело выпускала, время от времени. Мать с ходу, намекнула Пашке, что хозяйка в доме она, и что её слово, закон!

– – Вы Павел, помогайте мне готовить обед. Открывайте консервы, режьте хлеб, выполняйте мужскую работу. А Костя, затопит печь, холодно в доме.

– голос у мамаши, был строгим, учительским и Пашка, кинулся выполнять её указания. Открывать банки с консервами, резать хлеб, помогать моей матери, с обедом. А я пошёл в дровник, за дровами в доме и вправду, было прохладно. Обычно я вставал по армейской привычке в шесть утра, и растапливал лежанку, пока мама спала. Но сегодня утром, я не стал её топить. Потому что было опасно оставлять, горящие угли в печи, без присмотра? Ведь поехали мы в райцентр, рано и печь не смогла бы прогореть, к этому времени.

– – Ну за встречу, Костян, тётя Надя! Чтобы все у нас было хорошо!

– толкнул, мой армейский, кореш незымысловатый тост, мы все втроём, чокнулись и выпили по стопке водки. Причём, Надя которая при мне, пила водку как воду, занюхивая её, по мужски, корочкой хлеба. При Пашке, который сидел рядом с ней, выпив "беленькой", замахала рукой возле своего накрашенного помадой рта. И тут же, стала запивать водку, газировкой, стоящей на столе. Я чуть со смеху не упал за столом, от артестического искусства мамы. Надя, сидя в обществе, малознакомого, симпатичного молодого парня. Решила предстать перед ним в образе, скромной женщины, не " амозонки", роль которой, с недавнего времени, получив в руки оружие, мать примерила на себя. Да и перед тем как нам всем, сесть за стол. Надя, отправила нас с Пашкой, покурить на улицу, закрыв за нами, дверь в комнате на запор.

Мать переоделась и когда мы вошли с другом в дом, то были поражены, её перевоплощением. Надя, одела на себя, красивую темную блузку, с золотистыми вставками, виде, небольших звезд. Приталенную юбку, чуть ниже колен и на ногах у матери, были одеты, чёрные, лакированные туфли, на высоком каблуке. Которыми она цокала, по деревянному полу, деревенского дома. Мать заметно прихорошилась, да и накрасилась, не броско, вульгарно, когда я её увидел при первой встрече, в Малоархангельске. А умело, не вызывающе, приятный для глаз макияж, был нанесен на лице, у моей ещё довольно, молодой мамы. Для

Пашки накрасилась, подумал я, глядя на похорошевшую мать, сидя с ней и с армейским другом за столом. При мне, мать не красилась, да и зачем? А вот в обществе, молодого парня, недавно пришедшего из армии, мать прихорошилась. Да и женская природа брала своё, сколько не строй из себя, "солдата Джейн", расхаживая по дому и окрестностям, в военной, камуфляжной форме. Теперь настало время, для флирта, ведь Наде, ещё и сорока не было, а выгляд ела мать моложе на тридцать пять. Да и между ней и Пашкой, проскочила, какая – то, " искорка". Я сразу заметил, по их взглядам, друг на друга.

– – Вот рыбки, закусите тётя Надя.

– Пашка, услужливо подкладывал, моей матери, в тарелку, жареной рыбы, а та его благодарила.

– – Ой, ну спасибо, спасибо Павел, вы такой заботливый, молодой человек.

– говорила Надя, моему армейскому другу, а я ел густой, наваристый гороховый суп и угорал со смеха, посматривая, то на мать, то на Пашку. Они явно симпатизировали, друг к другу и меня это радовало с одной стороны. Ведь мать, заметно повеселела и как бы помолодела, что – ли, сидя в обществе, молодого, симпатичного парня. Ведь в последнее время, Надя была грустной, мы с ней сидели без денег и красивые мамины глаза, были печальны. А сейчас она, веселилась, слушая Пашкины анекдоты.

– – Да нет Костян, не дадут за него "лимон". Самое большое, тысяч пятисот, а может и того меньше.

– говорил мне, мой друг, когда пообедав, мать разрешила мне достать из под дивана, автомат и пистолет.

– – Да и зачем их продавать? Жалко такие вещи из рук выпускать? Ведь они нам ещё, пригодятся а найденное в церкви, всегда приносит удачу.

– Пашка с любовью, поглаживал, чёрный вороненный ствол, немецкого автомата и разглядывал, надпись по латыни, выбитую на " вальтере". Который он держал в руке.

– – Но хорошо Павел, я согласна с вами, чтобы не продавать это оружие. Но на что нам жить? Нас с Костей, нигде не берут на работу из за прописки. Мы ведь с ним, теперь бомжи.

– мать, грустно посмотрела на Пашку, закуривая, мой армейский друг, моментально дал ей прикурить, от своей зажигалки, едва Надя, поднесла к губам сигарету.

– Спасибо Павел! Так на что нам жить, если не продавать как вы говорите, этот автомат и пистолет?

– спросила мать у Пашки, сидя рядом с ним на диване, красиво выпуская, табачный дым из губ.

– – Да не волнуйтесь тётя Надя! Я найду работу и у вас будут деньги. А потом, что – нибудь, придумаем с вашей пропиской и жильем.

– успокоил мою мать Пашка и та согласилась, поскольку верила в разные приметы и предсказания. Когда, услышала от Пашки, что вещи найденные в церкви, нельзя продавать.

Вечером, мы сходили на реку, постреляли из наших " стволов". Я дал Пашке, " шмайсер", мать взяла " вальтер" а мне достался Надин, травмат " Гранд – Ровер". Пашка не хуже меня, стрелял в " молоко" ни разу не попав по бутылкам, которые мать, ставила на поваленном, бобрами дереве, возле берега реки.
Зато Надя, была в ударе и выбивала словно в тире, все " мишени" в виде пивных и водочных бутылок.

Но странное дело? Над Пашкой, мать не смеялась как надо мной, когда мы ходили с ней на реку стрелять и я мазал а Надя, насмехалась. И тогда я понял что мамаша, влюбилась в моего друга, да и он тоже в нее втюрился. Они постоянно, обменивались между собой, взглядами и заигрывали, друг с другом. А вскоре, вечером за ужином, Пашка сделал моей матери, предложение, руки и сердца. Надя, чуть ложку не проглотила, которой ела, гречневую кашу. Когда мой армейский друг, попросил её, стать его женой?

– – Надежда Ивановна, предлагаю вам, свою руку и сердце. И прошу вас, стать моей женой!

– сказал Пашка, моей матери и к моему удивлению, та немного подумав, ответила согласием.

– – Я согласна Павел, стать вашей женой.

– мать, посмотрела на меня, как бы, спрашивая взглядом моего согласия. А я только и смог сказать, шутливым тоном, как поп в церкви.

– – Ну что же, дети мои, живите и размножайтесь!

– Надя с Пашкой, захохотали и обменялись, друг с другом, любящим взглядом. И тут же обмыли это дело, остатками водки, которую, бережливая Надя, спрятала в сервант, на терраске. А затем последовала перестановка в нашей небольшой комнате. С диван – кровати, где я спал с Пашкой, мать переселила, меня на своё место в закуток за печкой, где стояла односпальная, железная кровать. А сама вместе со своим новоявленным, мужем легла как и положено, " молодым", спать вместе, на диван. Пашка, тут же по просьбе Нади, огородил их любовное ложе, покрывалом, натянув веревку, между диваном и стеной и все, их любовный " альков" был готов.

Правда вели себя ночами " молодые" тихо, не "безобразничали", а

днём, я брал свою верную " Аську" и уходил один с металлоискателем на реку. Давая " молодожёнам" матери и Пашке, побыть несколько часов наедине. За что мать меня, благодарила, взглядом, когда я замёрзший, приходил домой с реки.

Все было у нас хорошо, кроме одного, Пашка не мог найти нормальную работу в райцентре, а деньги которые он привез с Москвы заканчивались. Работа в городе была но платили там мало 8 – 10 тыс рублей в месяц, обычные деньги для провинции но мать сразу от такой работы для своего мужа отказалась.
Заявив что у неё бензина на дорогу, возить Пашку в город и обратно уйдет больше, чем он заработает. А в Москву где кореш, хотел найти работу. Она его не отпускала, боясь что он её бросит, найдя в столице, себе жену, по моложе. По этому, об отъезде Пашки куда либо, не могло быть и речи.

И вот вечером за ужином, когда мать посетовала нам на то, что ей уже через пару дней не чем будет нас кормить, из за отсутствия продуктов. Пашка сказал что знает где взять еду, курево с выпивкой и предложил нам с матерью, ограбить ночью магазин.